

упорно настаивает на своем, тогда как Алексей в драме (в отличие от житийного героя) постоянно колеблется под давлением различных персонажей (ангелов, богини Юно, Виртуа, родителей и т. д.). По мнению Софроновой, «Алексей постоянно является полем действия высших сил», в отличие от Евмения — независимого арбитра собственной судьбы.¹⁹ Этим он приближается к другим «патетическим героям» XVII в., таким как добрый молодец из «Повести о Горе-Злочаштии» и Савва в «Повести о Савве Грудыуне».²⁰ Интересно, с нашей точки зрения, что оба героя — как и многие другие литературные персонажи этой эпохи — кончают свои странствования в монастыре. Но характерно, как отметил В. Харкинс, что уход в монастырь «вряд ли считается положительным решением».²¹ В XVII в. тема отшельничества впервые наводила на ассоциации, имеющие негативный характер (как место политического заключения, бегства от чего-нибудь плохого, или место светских выгод, а не духовной ценности). Все это лишний раз показывает, какое большое расстояние, отделяло эту школьную драму от «Пустынника», но вполне возможно, что отсюда Сумароков заимствовал жанровое определение «драма». Как отметил П. Н. Берков, «новая русская культура и театр XVIII в. не отвергли терминологии, возникшей еще в XVII в., но наполнили ее новым содержанием».²²

Прежде чем приступить к анализу этого содержания, рассмотрим своеобразную форму «Пустынника». Многие формальные признаки указывают на то, что поэтика «Пустынника» расширяет поэтику сумароковской трагедии. Главное отличие в том, что «Пустынник» — пьеса в одном действии. Метр драмы можно считать разноstopным ямбом, хотя больше, чем 86% строк (348 из 408, или 86,4%) представляют собой александрийские стихи с цензурой после третьей стопы — метрическая норма, вводившаяся в русскую трагедийную практику самим Сумароковым. Если добавим к этому трехstopные строки, которые ощущаются как полустихи или продолжение александрийского ритма, то цифра возрастает почти до 95%. Другие разноstopные строки, взятые вместе (1-, 2-, 4- и 5-stopные), составляют меньше 5,5% всех строк (0,25, 2,7, 0,75 и 1,4%). «Разноstopность» намного меньше, чем, например, в сума-

¹⁹ Софронова А. А. Поэтика славянского театра: XVII—первая половина XVIII в. М., 1981. С. 175.

²⁰ О «патетическом герое» см.: Harkins W. E. The Pathetic Hero in Russian Seventeenth-Century Literature // American Slavic and East European Review. 1955. Т. 14, № 4. P. 512—527.

²¹ Там же. С. 523.

²² Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII веков // ТОДРА. М.; Л., 1965, Т. 11. С. 299.